

9. Чернова Ж. В. «Демографический резерв»: молодая семья как объект государственной политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 1. С. 23—42 ; № 2. С. 26—38.
10. Чернова Ж. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 138—168.
11. Ярская-Смирнова Е. Р. «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской семейной политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 14—25.
12. Klimantova G. The Family in the Process of the Transformation of Russian Society // Russian Education and Society. 2002. [№] 4. P. 53—60.
13. URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya25.html> (дата обращения: 01.02.2011).
14. URL: http://tours.kremlin.ru/appears/2000/07/08/0000_tipe63372type63374tipe82634_28782.shtml (дата обращения: 01.02. 2011).
15. URL: <http://www.kremlin.ru/news/9637> (дата обращения: 01.02. 2011).

ББК 60.561.53

Л. Л. Шпаковская

ПОЛИТИКА НОРМАЛИЗАЦИИ СЕМЬИ: ПАРТНЕРСТВО И БРАК В РОССИИ

Цель статьи — анализ политики в отношении гражданского брака (совместное проживание гетеросексуальной пары без регистрации этих отношений) как элемента нормализующей политики в отношении семьи¹. Рассмотрение государственной политики в отношении официального/гражданского брака является важным с точки зрения анализа гендерного порядка и его трансформаций. Как отмечает Р. Коннелл, государству принадлежит конституирующая роль в формировании и реформировании гендерных паттернов [16, р. 130]. О. Хасбулатова также полагает, что государственная политика способна существенным образом влиять на социальный статус женщин и мужчин и во многом определять характер гендерного неравенства в конкретно-исторические периоды [12, с. 6].

© Шпаковская Л. Л., 2011

¹ Статья написана на материалах исследования «Новые формы организации гетеросексуальных отношений: что такое гражданский брак», проведенного в 2009 г. Гендерной программой ЕУСПб и поддержанного фондом Г. Белля (руководители Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, координатор и исполнитель Л. Шпаковская). Исследование включало анализ официальных документов, фокус-группу, анализ дискуссии в социальной сети, а также 21 полуструктурированное интервью с молодыми людьми, проживающими в гражданском браке. Материалы интервью проанализированы и представлены в [15].

Семья представляет собой идеологический и управленческий концепт, выступая одним из основных направлений гендерной политики [17]. Современная государственная социальная политика всегда в той или иной степени связана с нормированием и регулированием института семьи. Например, современная семья определяется как нуклеарная, подразумевающая роли мужа (кормильца), жены (отвечающей за ведение домашнего хозяйства) и зависимых от них детей [10, с. 190]. Государство поддерживает такую семью через политики налогообложения и кредитования, жилищную политику и др. На более фундаментальном уровне брак сам по себе является законным действием и законным отношением, определяемым и регулируемым государством [16, р. 130]. В этом смысле стратегия власти всегда связана со стремлением делать отношения между людьми зарегистрированными, т. е. видимыми и управляемыми. Благодаря кодификации семейных отношений семья становится агентом, или проводником, разного рода государственных политик, например гигиены, контроля миграции, сексуальности, стимулирования рождаемости. Однако интересы государства могут не соответствовать практикам, ценностям и интересам отдельных индивидов, их семей, социальных групп и институтов и даже входить в противоречия с ними. Примером таких разнонаправленных и противоречивых интересов может быть ситуация, характерная для современной России, связанная с политикой нормализации семьи и тенденциями индивидуализации, рефлексивности и демократизации, которые реализуются в практике партнерства, характерны для определенных социальных слоев, каковым является городской образованный средний класс [15, с. 29—31]. Далее рассмотрим более подробно политики нормализации семейного поведения в России.

В России партнерство получает в настоящее время все большее распространение и признание [1, 3]. Но термин «гражданский брак», с которым, как правило, ассоциируются незарегистрированные союзы, является проблематичным. В России это понятие предположительно начинает использоваться в XIX в. для обозначения супружеского союза, заключенного без участия церкви, но зарегистрированного соответствующими органами государственной власти². Большевицкая политика секуляризации брачных отношений в послереволюционный период придала этому понятию прогрессивное значение, сделав гражданский брак, т. е. союз, зарегистрированный советскими отделами ЗАГС, легитимной и широко распространенной формой супружества. В период с 1926 по 1944 г. незарегистрированные союзы были законодательно уравнены в правах с союзами, зарегистрированными в отделах ЗАГС. Однако в послевоенный период, в связи с изменением гендерной политики и ужесточением семейного законодательства, отношение к ним изменилось. Штамп в паспорте стал важен для социальной успешности, он был необходим для служебной карьеры, давал возможность выезда за рубеж. Незарегистрированные союзы оказались либо «несуществующими» (непризнаваемыми и невидимыми для общества), либо

² Гражданские, или нецерковные, браки в России были введены законом о светской регистрации раскольничьих браков в 1874 г. С этого момента браки раскольников получали законную силу посредством записи в метрические книги в полицейском или волостном управлении [7].

осуждаемыми с точки зрения официального дискурса. Такие союзы были распространены, главным образом, среди маргинальных слоев общества. Семейная нестабильность, незарегистрированные союзы, частая смена партнеров, промискуитет, сексуальное насилие были характерны для париев, лиц, находящихся на дне общества, по разным причинам оказавшихся нелегалами, алкоголиками, преступниками [13]. Нормализация и брачная стабилизация личной жизни, прослеживаемая на уровне биографий, выступала одним из признаков повышения социального статуса таких маргиналов [8, с. 248]. «Презрение к загсовскому штампику» было характерно также для советских диссидентских кругов, в которых крещение детей, совместная жизнь без официальной регистрации или частая смена партнеров выступали формой инакомыслия и инакодействия в приватной сфере, в условиях, когда открытый протест невозможен [18, 14]. Пренебрежение официальными нормами брачного и сексуального поведения являлось отличительной практикой молодежи — выходцев из среды советской номенклатурной и культурной элит в позднесоветском обществе [4]. Таким образом, в позднесоветский период, несмотря на то что официальный брак с традиционным разделением ролей (при этом женщина также являлась работницей, а мужчина не был основным кормильцем) являлся единственной легитимной формой супружества с точки зрения официального дискурса, практики сожительства были приемлемы внутри некоторых социальных сред (фактически практики добрачных сексуальных отношений в это время были достаточно широко распространены среди городского населения) [4, с. 445; 11, с. 241].

В постсоветское время практика совместного проживания без регистрации брака становится не просто распространенной, но воспринимаемой многими как нормальная; она не ассоциируется больше с маргинальными слоями общества. Среди представителей поколений, родившихся после 1960 г., распространение неформальных союзов приобрело взрывной характер. Не менее 25 % женщин к 20 годам и не менее 45 % мужчин того же возраста не регистрировали брак со своим первым партнером [3]. Показателем определенной степени общественного и политического признания гражданского брака может считаться включение в анкету переписи населения, проведенной в 2002 г., вопроса о легальном статусе брачного союза граждан («Является ли Ваш брак зарегистрированным?»). Перепись показала, что на момент ее проведения 11 % всех заявленных брачных союзов были незарегистрированными (всего в браке состояло 57 % россиян). По данным опроса ФОМ (2004), опыт сожительства когда-либо имели 22 % россиян. При этом незарегистрированные союзы оказались в большей степени распространены в молодежной среде (18—20 лет), среди респондентов в возрасте 21—24 лет доля незарегистрированных браков в общем числе союзов составила четверть, среди респондентов в возрасте 25—29 лет — пятую часть. Регистрация брака утрачивает значение стартовой позиции для совместного проживания молодых людей. Таким образом, сожительство в России в конце 1990-х — первой половине 2000-х приобретает характер устойчивой молодежной практики, часто предшествующей браку [1].

Незарегистрированные союзы становятся приемлемыми и благодаря гражданскому, семейному и финансовому законодательству постсоветского пе-

риода. Упрощенная процедура установления отцовства для детей, рожденных вне брака, возможность получения матерями социальных льгот и выплат вне зависимости от своего maritalного статуса, возможность оформления имущества в совместную собственность (например, долевая собственность на недвижимость) и даже возможность заключения договора между партнерами о совместном проживании — все это позволяет партнерам не только регулировать имущественные отношения между собой, но и претендовать на социальные льготы и гарантии.

Во второй половине 2000-х в российских медиа наблюдается политизация публичного сожительства, прежде всего в связи с дискурсом укрепления семьи, решения демографической проблемы и повышения рождаемости. Консервативно настроенные авторы определяют незарегистрированные союзы как «ненастоящие» или «неполноценные» браки, свидетельствующие о разрушении семейных ценностей и самого института семьи; распространение таких союзов считается причиной снижения рождаемости. Нормативной моделью супружеских отношений провозглашается официально зарегистрированный брак (а в идеале — осуществленный и по религиозному обряду). Православная церковь высказывается против гражданских союзов, называя их греховными, «школой безответственных наслаждений», блудом [9, 2]. Принятая в 2007 г. «Концепция государственной политики в отношении молодой семьи» вводит понятие благополучной семьи, основным критерием которой является наличие зарегистрированных брачных отношений между родителями, а также детей, количество которых равно двум, трем и более для обеспечения «расширенного воспроизводства населения по данному региону» [5]. Благополучная семья определяется как нормативная модель, реализации которой должна способствовать государственная семейная и социальная политика. Показательным примером дискурсивного оформления вопроса гражданских браков являются парламентские слушания, состоявшиеся 5 октября 2009 г., на тему: «Благополучие российской семьи: законодательные проблемы и пути их решения», в ходе которых депутатами были признаны наличие кризиса семьи в российском обществе и необходимость ее поддержки с целью более эффективной защиты прав ребенка. Председатель Комитета Государственной думы по вопросам семьи, женщин и детей Е. Мизулина в своем выступлении обратила внимание на существование незарегистрированных союзов, как гетеро-, так и гомосексуальных. Однако, с ее точки зрения, такие союзы не могут выступать основанием законодательства, которое «укрепляет семью, поддерживает ее, поддерживает благополучную семью, то есть ту, которая основана на зарегистрированном браке, на легальном браке, на законном браке, семью, которая имеет детей, которая воспитывает, любит этих детей» (стенограмма). Председатель думской фракции «Справедливая Россия» Н. Левичев призвал к разработке политических мер, которые позволили бы преодолеть кризис семьи и распространение «внесемейного образа жизни» [6]. Следовательно, в конце 2000-х официальный дискурс все более ориентируется на нормативную модель полной зарегистрированной двухдетной семьи. В этом контексте незарегистрированные союзы маргинализируются или рассматриваются как опасная девиация.

Таким образом, если на уровне практик незарегистрированные союзы являются достаточно массовым явлением, то на уровне официального дискурса наблюдается отход в направлении традиционалистского видения гендерных отношений: гражданские браки рассматриваются как явление вредное, угрожающее стабильности семьи. Иными словами, дискурсивная маргинализация сожительств вступает в противоречие с тенденциями индивидуализации, которые обнаруживает распространение незарегистрированных интимных союзов.

Библиографический список

1. *Вовк Г.* Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? // Социальная реальность. № 1 (2005). URL: http://bd.fom.ru/report/cat/journ_socrea/number_1_05/gur050103 (дата обращения: 05.09.2011).
2. *Гумеров Павел, свящ.* Гражданский брак // Православие.ru. 2008. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/080229130624.htm> (дата обращения: 22.05.2011).
3. *Захаров С.* Расширяющиеся границы брака // Демоскоп Weekly. № 237/238. 6—9 марта (2006). URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema08.php> (дата обращения: 07.09.2011).
4. *Козлова Н.* Реконверсия // Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005. С. 435—470.
5. Концепция государственной политики в отношении молодой семьи. М.: МинОбраз РФ, 2007. URL: <http://mon.gov.ru/work/yosp/dok/3697> (дата обращения: 12.10.2011).
6. *Левичев Н.* Выступление на парламентских слушаниях «Благополучие российской семьи: законодательные проблемы и пути их решения», 5 окт. 2009 г. URL: http://www.levichev.info/2_827.html (дата обращения: 22.05.2011).
7. *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. М.: Статут, 2003. Ч. 2 : Права семейные, наследственные и завещательные. 639 с. URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/16> (дата обращения: 12.10.2011).
8. *Роткирх А.* Мужской вопрос: любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев / пер. с англ. Е. Д. Никифоровой; науч. ред. Е. А. Здравомыслова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 309 с.
9. *Свечников Дионисий, иерей.* Можно ли назвать браком «гражданский брак»? // Православие и мир. 2008. 4 сент. URL: http://www.pravmir.ru/article_3275.html (дата обращения: 23.05.2011).
10. *Тартаковская И. Н.* Гендерная социология. М.: Вариант : Невский Простор, 2005. 368 с.
11. *Тёмкина А.* Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 376 с.
12. *Хасбулатова О. А.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
13. *Чуйкина С.* «Быт не отделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930—1980-х годов // В поисках сексуальности : сб. ст. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 99—127.
14. *Чуйкина С.* Участие женщин в диссидентском движении (1956—1986) // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период : сб. науч. ст. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: ЦНСИ, 1996. С. 61—81.

15. *Шпаковская Л. Л.* Гражданский брак в России // Практики идентичности: гендерное устройство : сб. ст. / под ред. Е. Здравомысловой, В. Пасынковой, А. Тёмкиной, О. Ткач. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. С. 27—68.
16. *Connell R.* Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics. Stanford : Stanford University Press, 1987. 334 p.
17. *Gittins D.* The Family in Question: Changing Households and Family Ideologies. L. : Macmillan, 1993. 208 p.
18. *Zdravomyslova E.* The Cafe Saigon Tusovka: One Segment of the Informal-Public Sphere of Late Soviet Society // Biographical Research in Eastern Europe : Altered Lives and Broken Biographies / R. Miller, R. Humphrey, E. Zdravomyslova (Eds.). L. : Ashgate, 2002. P. 141—180.

ББК 60.542.2

Н. В. Досина, Я. О. Смирнов

РЕЖИМ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕРА АДЕКВАТНОСТИ ВРЕМЕНИ

Становится все более понятно, что нельзя однозначно представлять процессы влияния государства на социально-демографическую сферу развития общества: прямолинейный причинно-следственный анализ не может помочь понять природу демографического кризиса и преодолеть его. Для политической практики важно иметь в виду следствие действия открытого закона глобального демографического перехода. Обратившись к целостному феноменологическому описанию демографического роста и рассматривая человечество как единую глобальную систему, ученые пришли к выводу, что рост человечества основан на механизме квадратичного коллективного взаимодействия, который хорошо изучен в физике конденсированного состояния и кинетике нелинейных явлений в синергетике. Квадратичный рост населения планеты указывает на то, что в человечестве процесс аналогичен: переход определяют не ресурсы, причину кризиса следует искать в идеях, системе ценностей, моральных норм, традиционно определяющих поведение людей в течение длительного времени.

Вопрос о том, насколько ориентиры и приоритеты в социальной сфере, например в сферах образования, труда и занятости, сбалансированы с ценностными ориентирами мер современной демографической политики России, остается сложным и нерешенным. С его решением в настоящее время связаны некоторые проводимые специалистами достаточно обширные социологические исследования, в частности на тему «Гендерная дифференциация представлений

© Досина Н. В., Смирнов Я. О., 2011